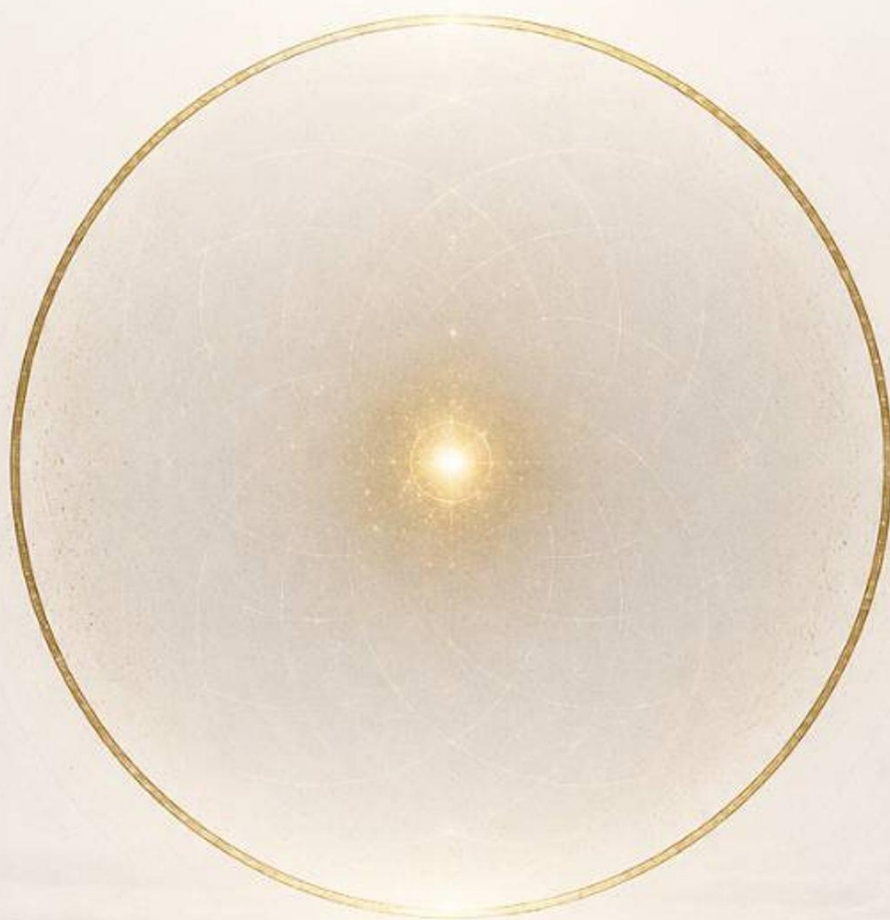

АНДРЕЙ ПРИТИСК
НАГВАЛЬ МОДЕСТ

КОДЕКС НАМЕРЕНИЯ

0.0

П Р О Б У Ж Д Е Н И Е

ЧЕЛОВЕК ПРИХОДИТ В МИР НЕ ДЛЯ ТОГО,
ЧТОБЫ СТАТЬ СОБОЙ.
ОН ПРИХОДИТ, ЧТОБЫ ОДНАЖДЫ ВСПОМНИТЬ,
ЧТО НИКОГДА НЕ ПЕРЕСТАВАЛ БЫТЬ СОБОЙ.

18+

Андрей Притиск (Нагваль Модест)

Кодекс Намерения 0.0

«Автор»

2026

Притиск (Нагваль Модест) А.

Кодекс Намерения 0.0 / А. Притиск (Нагваль Модест) —
«Автор», 2026

Что, если большинство вопросов, которые мы задаем себе всю жизнь, изначально были поставлены неверно? «Кодекс Намерения 0.0» - это не учебник, не философский трактат и не руководство к успеху. Это приглашение посмотреть на привычные вещи так, словно вы видите их впервые. Эта книга не предлагает готовых ответов. Она предлагает пространство, в котором вопросы постепенно начинают меняться сами. Почему человек постоянно ищет себя? Что такое намерение? Можно ли увидеть мир без привычных объяснений? И что остается, когда исчезают ярлыки, убеждения и страх ошибиться? Каждая глава - это не инструкция, а шаг навстречу собственному восприятию. Не нужно ни во что верить. Не нужно ничего принимать на веру. Достаточно лишь позволить себе читать медленно и наблюдать за тем, какие мысли рождаются внутри. Возможно, эта книга ничего не изменит в вашей жизни. Но, возможно, после нее вы уже никогда не будете смотреть на жизнь так, как смотрели раньше.

© Притиск (Нагваль Модест) А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	6
Глава первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Андрей Притиск (Нагваль Модест)

Кодекс Намерения 0.0

Кодекс Намерения

Восемь лепестков Цветка Жизни

Пролог

Есть книги, которые читают ради знания, есть книги, которые читают ради развлечения, а есть книги, которые вообще невозможно читать в привычном смысле этого слова, потому что они не сообщают ничего нового, не стремятся убедить, не пытаются обратить человека в очередную веру и даже не рассчитывают быть понятыми с первого раза, поскольку их единственная задача состоит вовсе не в передаче информации, а в том, чтобы незаметно изменить направление внутреннего взгляда, благодаря которому весь окружающий мир однажды начинает выглядеть совсем иначе, словно кто-то незаметно повернул невидимую линзу, через которую человек всю жизнь рассматривал самого себя, и именно такой книгой ты сейчас держишь в руках этот Кодекс.

Не существует знания, которого не существовало бы раньше, как не существует истины, которая могла бы родиться вчера, потому что истина вообще не умеет рождаться, она присутствует всегда, подобно небу, которое остается над головой независимо от того, смотрит на него человек или предпочитает всю жизнь разглядывать только собственные следы на земле, принимая их за единственную возможную карту мира, и именно поэтому каждый новый мудрец обычно говорит древние слова, лишь меняя одежду, язык и выражение лица, тогда как сама суть продолжает оставаться неподвижной, словно центр круга, вокруг которого бесконечно вращаются эпохи, цивилизации, религии и человеческие представления о самих себе.

Если внимательно посмотреть на историю человечества, неожиданно обнаружится странная закономерность, которую редко замечают именно потому, что она слишком проста, а человеческий ум почти всегда предпочитает сложность простоте, ведь сложность позволяет чувствовать собственную значимость, тогда как простота требует отказаться от привычной гордыни, однако именно простые вещи оказываются наиболее долговечными, подобно огню, воде, ветру или молчанию, которые не нуждаются ни в доказательствах, ни в рекламе, ни в философских трактатах, продолжая выполнять свою работу миллионы лет независимо от человеческого мнения о них.

Эта книга не обещает тебе чудес, потому что чудеса происходят постоянно, просто человеческое внимание слишком занято поиском необычного, чтобы заметить самое необыкновенное, происходящее каждое мгновение, когда из ничего рождается мысль, из мысли возникает намерение, из намерения складывается поступок, из поступка постепенно возникает судьба, а судьба спустя годы начинает казаться случайностью, хотя когда-то была всего лишь почти незаметным движением внутреннего выбора, о котором человек давно успел забыть.

Все, что будет сказано дальше, можно принять, отвергнуть или оставить без всякого решения, потому что намерение никогда не подчиняется приказам, оно рождается только там, где появляется свобода видеть, а свобода начинается вовсе не тогда, когда человеку разрешили выбирать между двумя дорогами, а тогда, когда он впервые замечает, что всю жизнь шел по одной и той же дороге лишь потому, что ни разу не поднял голову и не увидел бесконечное множество остальных.

Поэтому прежде чем перевернуть следующую страницу, не соглашайся ни с одним словом, которое встретишь дальше, но и не спеши спорить с ним, потому что спор нередко оказывается другой формой согласия, просто более шумной, а попробуй сделать нечто значительно более редкое, почти невозможное для современного человека, попробуй посмотреть.

Просто посмотреть.

Глава первая

Первый лепесток. Мир, который смотрит на нас

Человек приходит в Мир не для того, чтобы стать собой. Он приходит, чтобы однажды вспомнить, что никогда не переставал быть собой.

Человек почти никогда не задает себе вопрос, кто именно смотрит на окружающий мир, потому что ему кажется очевидным, будто смотрит именно он, однако эта очевидность похожа на прозрачное стекло, которое настолько незаметно, что именно поэтому его невозможно увидеть, пока однажды не появится луч света, превращающий невидимую поверхность в сияющую границу между двумя совершенно разными пространствами, и тогда выясняется, что большую часть жизни человек видел вовсе не мир, а лишь собственные представления о нем, тщательно собранные из чужих слов, случайных впечатлений, детских страхов, школьных определений, семейных привычек и общественных соглашений, которые постепенно настолько плотно срастаются с сознанием, что начинают восприниматься как сама реальность, хотя остаются всего лишь описанием, весьма далеким от того, что существует на самом деле.

Когда маленький ребенок впервые открывает глаза, мир еще не разделен на правильное и неправильное, красивое и безобразное, возможное и невозможное, для него все одинаково ново, одинаково загадочно и одинаково достойно внимания, однако проходит совсем немного времени, и взрослые начинают старательно объяснять ему устройство действительности, словно заботливые садовники, которые вместо того чтобы показать живой лес, приносят его аккуратно высушенный гербарий, убеждая, будто именно эти неподвижные листья и являются настоящей природой, тогда как настоящий лес остается шуметь где-то совсем рядом, за пределами слов, определений и привычных названий.

Парадокс заключается в том, что человеческий разум чрезвычайно любит порядок, потому что порядок позволяет предсказывать события, чувствовать безопасность и строить планы, однако сама Жизнь никогда полностью не помещается ни в один порядок, оставаясь значительно шире любых схем, и поэтому всякий раз, когда человек говорит себе: «Теперь я окончательно понял мир», именно в этот момент мир тихо улыбается и начинает открывать перед ним новую дверь, существование которой еще минуту назад казалось совершенно невозможным.

Именно здесь начинается Намерение.

Не как желание получить больше денег, власти, любви или удачи, а как удивительная способность перестать путать карту с территорией, описание с самим существованием, мысль с реальностью, потому что до тех пор, пока человек принимает собственное описание мира за сам мир, любое его намерение остается пленником уже существующей клетки, пусть даже очень красивой и просторной.

Настоящее Намерение появляется только тогда, когда внутри возникает едва уловимое чувство, что мир значительно больше всех объяснений, которые когда-либо были придуманы, и что самое важное путешествие начинается вовсе не с первого шага по дороге, а с первого сомнения в том, что дорога, по которой ты шел всю жизнь, действительно была единственной.

И возможно, именно сейчас, пока ты читаешь эти строки, это путешествие уже началось.

...И возможно, именно сейчас, пока ты читаешь эти строки, это путешествие уже началось.

Большинство людей уверены, что живут внутри огромного мира, однако редко кто допускает мысль, что сам мир, возможно, тоже живет внутри человека, не в буквальном смысле, конечно, а в том удивительном пространстве восприятия, где каждый звук, каждое лицо, каждое воспоминание и каждая надежда обретают собственное существование, словно бесчис-

ленные отражения одного и того же света, проходящего через разные грани прозрачного кристалла, поэтому два человека способны прожить один и тот же день, пройти по одной улице, увидеть один и тот же закат и встретить одного и того же прохожего, но вечером рассказать две совершенно разные истории, каждая из которых окажется истинной, хотя ни одна не будет полной.

По этой причине мудрецы во все времена говорили не столько о мире, сколько о способности видеть, потому что именно качество видения определяет качество жизни, а не наоборот, ведь невозможно изменить картину, если художник продолжает пользоваться той же самой кистью, не замечая, что краски давно высохли, и точно так же невозможно изменить судьбу, продолжая смотреть на нее глазами вчерашнего человека.

Мир никогда не приходит к человеку готовым. Он рождается в каждое мгновение встречи, подобно музыке, которая существует не в струнах и не в воздухе, а между ними, и это "между" оказывается самым таинственным местом во всей Вселенной, потому что именно там Намерение впервые касается Реальности.

Очень многие ищут силу. Некоторые ищут знания. Другие ищут любовь, бессмертие или покой. Но почти никто не ищет новое восприятие, хотя именно оно незаметно рождает и силу, и знание, и любовь, и свободу, подобно тому как невидимый корень рождает огромное дерево, на ветвях которого позже появляются листья, цветы и плоды, заставляя забыть, что их настоящая жизнь началась глубоко под землей, в темноте, куда редко заглядывает человеческий взгляд.

Вот почему древние символы почти всегда изображали цветок. Не потому, что цветок красив, а потому, что он никогда не пытается стать плодом раньше времени. Он раскрывает лепестки один за другим, доверяя невидимому порядку жизни. Если попытаться раскрыть их силой, цветок погибнет. Если позволить ему раскрыться самому, однажды он наполнит пространство ароматом, который невозможно удержать в ладонях, но можно узнать с первого вдоха.

Так же раскрывается и Намерение.

Не рывком.

Не победой.

Не усилием.

А созреванием.

Семя первого лепестка

Мир не открывается тому, кто пытается его покорить. Он открывается тому, кто становится достаточно тихим, чтобы услышать, как Реальность произносит его собственное имя.

Не пытайся запомнить эти слова. Позволь им просто пожить рядом с тобой. Семя никогда не требует, чтобы его учили наизусть. Оно знает, что его дело не убеждать землю, а прорасти тогда, когда придет время.

...Так же раскрывается и Намерение.

Не рывком.

Не победой.

Не усилием.

А созреванием.

Именно поэтому почти все люди, желающие изменить свою жизнь, терпят неудачу не потому, что недостаточно сильны, а потому, что слишком торопятся увидеть плод раньше, чем научились заботиться о семени. Они ежедневно проверяют землю, раскапывают ее в надежде убедиться, что рост уже начался, не понимая простой вещи, известной любому садовнику, - всякая жизнь развивается в невидимости, и чем чаще беспокоить семя, тем меньше у него остается сил пробиться к свету.

Так устроено и Намерение.

Оно не любит шума.

Не терпит доказательств.

Не нуждается в свидетелях.

Оно растет в той части человека, где исчезает желание производить впечатление.

Большинство людей путают намерение с желанием. Это естественная ошибка, потому что внешне они действительно похожи. Желание всегда говорит: «Я хочу получить». Намерение никогда ничего не просит. Оно уже знает направление, подобно реке, которая не убеждает море принять ее воду. Она просто течет.

И в этом заключается первое великое отличие.

Желание зависит от обстоятельств.

Намерение создает обстоятельства.

Человек, живущий желаниями, постоянно ждет удобного момента. Человек, живущий Намерением, однажды замечает, что именно его присутствие постепенно делает невозможное возможным. Не сразу. Не чудесным образом. А почти незаметно, словно сама ткань Реальности начинает подстраиваться под внутреннюю ясность.

Многие назовут это совпадением.

Некоторые скажут - удача.

Другие вспомнят слово «магия».

Но все эти слова лишь разные имена одного и того же процесса, который начинается в тот миг, когда человек перестает спорить с Жизнью и начинает слышать ее дыхание.

Возможно, именно поэтому настоящие маги никогда не выглядели волшебниками. Они не стремились производить впечатление. Их величайшим искусством было почти полное отсутствие желания казаться великими. Они были похожи на ветер. Никто не видел его самого, но каждый видел движение листьев.

Настоящее Намерение всегда действует так же.

Оно не говорит: «Посмотри на меня».

Оно говорит: «Посмотри внимательнее на мир».

И если человек действительно начинает смотреть, однажды он замечает удивительную вещь: Реальность все это время не была к нему равнодушна. Она словно терпеливо ждала того мгновения, когда он перестанет разговаривать с собственными мыслями и впервые услышит тишину между ними.

Семя первое

Не ищи путь. Стань тем, кто способен увидеть дорогу там, где остальные видят только землю.

Семя второе

Намерение не заставляет мир подчиняться. Оно делает человека настолько цельным, что мир перестает ему сопротивляться.

...Реальность словно терпеливо ждала того мгновения, когда он перестанет разговаривать с собственными мыслями и впервые услышит тишину между ними.

Существует молчание, которое возникает после того, как закончились слова, и существует другое молчание, не имеющее никакого отношения к словам, потому что оно существовало задолго до первого человеческого языка и останется после того, как будет произнесено последнее имя, и именно это молчание является первой книгой, которую когда-либо открывала Жизнь, ведь еще не было ни письменности, ни мудрецов, ни храмов, ни учителей, а мир уже говорил с каждым существом посредством ветра, света, запаха дождя, смены времен года и той безошибочной внутренней ясности, благодаря которой птица знает направление перелета, семя знает время прорастания, а младенец знает, как сделать первый вдох, не прочитав ни одного руководства по дыханию.

Человек оказался единственным существом, которое настолько полюбило собственные объяснения, что однажды почти перестало слышать саму Жизнь, и в этом нет трагедии, потому что объяснения тоже были необходимы, они позволили строить города, создавать науки, передавать знания и помнить прошлое, однако всякий дар однажды становится препятствием, если его принимают за конечную цель, поэтому ум, предназначенный быть прекрасным инструментом, незаметно объявил себя хозяином, а хозяин начал смотреть на мир через узкое окно собственных определений, постепенно забывая, что дом значительно больше любого окна.

Поэтому настоящий поиск начинается вовсе не с приобретения новых знаний, а с осторожного освобождения внутреннего пространства от тех убеждений, которые уже давно перестали быть живыми. Это похоже на сад, в котором старые деревья так густо переплели ветви, что молодой росток больше не может увидеть солнце. Никто не воюет со старыми деревьями. Их просто перестают считать единственными.

Именно здесь появляется первое качество Намерения.

Оно не разрушает.

Оно освобождает место.

Это очень тонкое различие, которое почти всегда ускользает от внимания. Человек, движимый борьбой, неизбежно остается связанным с тем, против чего борется. Его силы уходят на сопротивление. Его внимание становится пленником противника. Но человек, движимый Намерением, не сражается с темнотой. Он открывает окно.

И тогда оказывается, что свет никогда не побеждал тьму.

Ему просто достаточно появиться.

В этом заключается одна из величайших тайн, которую невозможно доказать, но можно бесконечно подтверждать собственной жизнью. Все подлинные изменения происходят не потому, что человек изо всех сил толкает мир, а потому, что в какой-то момент перестает толкать самого себя в противоположную сторону. Он становится согласованным. Его мысль, чувство, слово и действие перестают спорить между собой. Именно в эту минуту Намерение впервые начинает звучать как единый аккорд.

Можно сказать иначе.

До этого момента человек жил как собрание случайностей.

После него он начинает жить как произведение.

Не завершенное.

Не совершенное.

Но уже написанное одной рукой.

Семя третье

Там, где исчезает внутренний спор, рождается первое настоящее действие.

Семя четвертое

Свет не побеждает тьму. Он делает ее ненужной.

Первый лепесток - Лепесток Видения

...После него он начинает жить как произведение.

Не завершенное.

Не совершенное.

Но уже написанное одной рукой.

Человек редко замечает то мгновение, когда перестает жить собственной жизнью и начинает жить описанием жизни, потому что это происходит почти незаметно, подобно тому как прозрачная вода постепенно становится льдом, не меняя ни цвета, ни формы, пока однажды не обнаружится, что течение исчезло, а вместе с ним исчезла и способность свободно отражать небо, ведь описание всегда стремится сохранить однажды найденный порядок, тогда как сама Жизнь никогда не повторяет даже одного и того же рассвета, хотя человеческому глазу кажется, будто солнце каждое утро поднимается совершенно одинаково.

Если внимательно присмотреться к природе, становится очевидно, что вся она построена не на повторении, а на бесконечном творчестве. Не существует двух одинаковых снежинок, двух одинаковых листьев, двух одинаковых человеческих лиц и даже двух одинаковых мгновений тишины, потому что Жизнь не умеет создавать копии. Она создает только оригиналы. Лишь человеческий ум, уставший от бесконечного разнообразия, начинает раскладывать все по полкам, присваивать названия, строить категории и убеждать себя, что теперь ему все понятно. Но понять - еще не значит увидеть.

Представь себе человека, который никогда не пробовал мед, но прочитал тысячу книг о его вкусе. Он может стать величайшим специалистом по составу меда, знать историю пчеловодства, спорить о сортах и уверенно исправлять ошибки других, однако до первого прикосновения сладости к языку все его знания будут лишь описанием чужого опыта. И точно так же многие говорят о любви, свободе, Боге, смерти, магии, предназначении или Намерении, никогда не позволив себе встретиться с ними без посредничества чужих слов.

В этом состоит одна из самых тонких ловушек человеческого существования. Мы начинаем верить, что знаем то, о чем способны говорить. Но способность говорить нередко становится самой изящной формой незнания. Слово создает ощущение обладания. Видение создает присутствие. Между ними лежит расстояние, которое невозможно измерить шагами, потому что оно проходит не по земле, а через самого человека.

Настоящее Видение начинается не тогда, когда открываются глаза, а тогда, когда перестают заслонять мир заранее приготовленные ответы. Пока человек ищет подтверждение собственным убеждениям, он видит только их отражение. Но стоит ему хотя бы на мгновение отказаться от необходимости быть правым, как мир начинает отвечать неожиданностями, и каждая из них становится приглашением выйти за пределы привычного.

Вот почему ребенок способен удивляться тому, мимо чего взрослый проходит, не замедлив шага. Не потому, что ребенок знает больше. Напротив. Он знает меньше. И именно поэтому способен видеть больше. Его взгляд еще не перегружен выводами. Он еще не успел заменить встречу с реальностью встречей с ее описанием.

Может быть, подлинная мудрость вовсе не в накоплении ответов. Может быть, она начинается в тот день, когда человек снова учится смотреть так, словно мир возникает прямо сейчас, впервые, без свидетелей, без памяти и без имени.

Семя пятое

То, что ты называешь миром, чаще всего является словарем. Мир начинается там, где заканчиваются определения.

Семя шестое

Видящий не собирает ответы. Он становится пространством, в котором ответ способен родиться.

Врата ко Второму лепестку

Когда раскрывается первый лепесток, человек перестает считать мир набором привычных предметов. Он начинает чувствовать, что реальность живая, что она не является декорацией для его мыслей, а представляет собой бесконечный диалог, в котором каждое мгновение несет приглашение увидеть немного глубже.

Но увидеть недостаточно.

Тот, кто действительно увидел, очень скоро замечает еще одну странную вещь.

Чем внимательнее становится взгляд, тем громче начинает звучать внутренний шум.

Оказывается, главная преграда находится не снаружи.

Она живет внутри.

Она говорит без остановки.

Она объясняет.

Оценивает.

Сравнивает.

Вспоминает.

Боится.

Надеется.

И почти никогда не молчит.

Именно поэтому следующий лепесток называется **Лепесток Тишины**.

Потому что увидеть мир - это только начало.

Чтобы услышать его, сначала необходимо услышать тишину, из которой рождаются все настоящие слова.

Второй лепесток

Лепесток Тишины

Всякий человек хотя бы однажды замечал странную особенность собственного сознания. Даже оставаясь в полном одиночестве, закрыв дверь, выключив телефон, погасив свет и оставшись в комнате, где не слышно ни человеческих голосов, ни шума улицы, он все равно продолжает участвовать в бесконечном разговоре, который никто не начинал и никто не способен закончить. Этот разговор настолько привычен, что большинство людей принимает его за самого себя, хотя в действительности он напоминает скорее бесконечное эхо, годами перекачивающееся между стенами памяти, страхов, надежд и случайных впечатлений, постепенно создавая иллюзию непрерывной внутренней жизни.

Стоит лишь ненадолго прислушаться к этому голосу, как становится ясно, что он почти никогда не говорит о настоящем мгновении. Он вспоминает вчерашние ошибки, спорит с людьми, которых сейчас нет рядом, готовит ответы на вопросы, которых еще никто не задавал, репетирует будущие разговоры, оправдывается перед воображаемыми обвинителями, строит планы, которых никогда не осуществит, и одновременно переживает тысячи возможных будущих неудач, словно пытается заранее прожить все варианты судьбы, чтобы избежать боли, хотя именно эта бесконечная подготовка незаметно превращает жизнь в ожидание самой жизни.

В этом заключается одна из самых искусных иллюзий человеческого ума.

Он убеждает человека, что постоянное размышление является признаком глубины, тогда как чаще всего оказывается лишь невозможностью остановиться.

Подумай о реке.

Пока вода течет, она остается прозрачной.

Но если бесконечно взбалтывать дно, даже самый чистый источник становится мутным.

Сознание ничем не отличается.

Не мысли создают страдание.

Страдание возникает тогда, когда мысль забывает завершиться.

Она цепляется за следующую.

Та рождает третью.

Третья вспоминает десятую.

И вскоре человек уже не способен определить, где заканчивается действительность и начинается привычка думать о действительности.

Именно поэтому многие считают, что ищут истину, хотя на самом деле ищут еще одну мысль, которая наконец победит остальные.

Но мысль никогда не побеждает мысль.

Она лишь занимает ее место.

Настоящая Тишина приходит совсем иначе.

Она не уничтожает внутренний голос.

Она перестает считать его единственным собеседником.

И тогда впервые появляется возможность услышать то, что всегда находилось глубже слов.

Не случайно древние мастера почти никогда не учили молчанию как отказу от речи. Они учили чему-то значительно более тонкому. Они учили перестать отвечать каждой мысли так, словно она является последней истиной.

Мысль приходит.

Мысль уходит.

Следующая приходит.

Следующая тоже исчезает.

А тот, кто способен видеть их движение, остается.

Кто же остается?

Это первый вопрос Второго лепестка.

И, возможно, самый важный.

Потому что, если человек способен наблюдать собственные мысли, значит, он не равен им.

Если он способен наблюдать собственные чувства, значит, он больше своих чувств.

Если он способен наблюдать даже самого наблюдателя, значит, путешествие только начинается.

Тишина не требует уничтожить внутренний мир.

Она лишь приглашает перестать принимать каждое облако за небо.

И однажды человек неожиданно обнаруживает, что между двумя мыслями существует пространство.

Очень короткое.

Почти неуловимое.

Но именно в нем впервые ощущается не отсутствие чего-либо, а присутствие всего.

Именно туда не может проникнуть страх.

Именно там не существует необходимости доказывать свою правоту.

Именно там Намерение впервые перестает быть желанием и становится состоянием.

Потому что желание рождается в шуме.

Намерение рождается в тишине.

Семя первое

Тишина начинается не тогда, когда исчезают звуки. Она начинается тогда, когда исчезает необходимость отвечать каждому из них.

Семя второе

Мысль - прекрасный гость и опасный хозяин.

Семя третье

Между двумя мыслями всегда открыта дверь. Большинство людей проходит мимо нее всю жизнь.

...Потому что желание рождается в шуме.

Намерение рождается в тишине.

Человек привык считать тишину отсутствием. Отсутствием звука. Отсутствием разговоров. Отсутствием событий. Но это лишь первое впечатление, возникающее у того, кто стоит на самом краю неизвестного. Стоит сделать еще один шаг, и становится очевидно, что тишина ничего не отнимает. Напротив, она впервые позволяет услышать то, что всегда было заглушено бесконечным гулом внутреннего мира.

Посмотри на ночное небо.

Днем звезды никуда не исчезают. Они продолжают существовать, продолжают излучать свой древний свет, продолжают двигаться по своим путям, однако солнечный свет делает их

невидимыми. И лишь тогда, когда день уступает место ночи, человек вдруг понимает, что небо всегда было гораздо глубже, чем ему казалось.

Сознание устроено удивительно похоже.

Пока в нем бесконечно сияет искусственное солнце внутреннего разговора, невозможно увидеть тонкие созвездия, из которых складывается настоящая жизнь. Лишь когда шум на мгновение стихает, начинают проступать едва заметные смыслы, не принадлежащие ни памяти, ни страху, ни надежде. Они не спорят. Не требуют доказательств. Не кричат. Они просто есть.

Очень многие люди всю жизнь боятся тишины. Им кажется, что вместе с ней придет пустота. Поэтому они окружают себя разговорами, музыкой, новостями, бесконечными сообщениями, случайными развлечениями и даже собственными переживаниями, лишь бы никогда не остаться наедине с тем пространством, где невозможно спрятаться за привычные роли.

Но именно там начинается встреча.

Не с Богом.

Не с истиной.

Даже не с собой.

Все эти слова слишком быстро превращаются в очередные определения.

Начинается встреча с тем, что невозможно назвать.

Все великие слова рождаются слишком поздно.

Сначала приходит переживание.

Потом молчание.

И лишь спустя долгое время появляется слово, которое пытается сохранить хотя бы отблеск произошедшего.

Поэтому древние символы всегда казались глубже современных объяснений. Символ никогда не претендует на окончательный ответ. Он напоминает дверь, а не инструкцию. Он указывает направление, но не проходит путь вместо человека.

Тишина действует точно так же.

Она ничего не объясняет.

Она приглашает.

И это приглашение невозможно услышать тому, кто уже решил, каким должен быть ответ.

Именно поэтому величайшей роскошью будущего станет не скорость, не информация и не технологии.

Величайшей роскошью станет способность оставаться внутренне тихим посреди мира, который непрерывно требует внимания.

Не убежать от него.

Не отвергнуть его.

Не победить его.

А сохранить внутри пространство, куда не может проникнуть ни чужой страх, ни чужая ненависть, ни чужая жадность.

Так рождается внутренний храм.

Не построенный руками.

Не освященный обрядами.

Не принадлежащий никакой религии.

Он возникает в том человеке, который однажды понял, что тишина не находится вокруг него.

Она всегда ожидала его внутри.

Семя четвертое

Пока ты заполняешь каждую пустоту словами, Истина терпеливо ждет, когда у нее снова появится место.

Семя пятое

Тишина ничего не говорит. Именно поэтому в ней невозможно солгать.

Семя шестое

Не ищи особенных состояний. Сделай обычное мгновение настолько полным, чтобы ему больше ничего не было нужно.

...Она всегда ожидала его внутри.

Странно устроен человек. Всю жизнь он ищет место, где наконец сможет почувствовать покой, переезжает в другие города, отправляется в дальние страны, поднимается в горы, выходит к морю, строит дома, окружает себя красивыми вещами, меняет профессии, круг общения и даже собственное имя, однако куда бы он ни отправился, вместе с ним незаметно путешествует тот, кто никогда не покидал его ни на одно мгновение, - его собственное сознание. И если внутри продолжается буря, никакой самый прекрасный пейзаж не способен превратить ее в тишину. Красота природы лишь ненадолго заглушает шум, но не устраняет его источник.

Именно поэтому многие возвращаются из путешествий почти такими же, какими уезжали. Они меняют декорации, но продолжают играть прежнюю роль. Мир оказывается другим, а наблюдатель остается тем же. Реальность словно терпеливо говорит человеку: «Я уже много раз меняла для тебя пейзаж. Может быть, теперь ты попробуешь изменить того, кто на него смотрит?»

Это предложение не имеет ничего общего с насилием над собой. Намерение никогда не требует переделывать собственную природу. Оно лишь приглашает снять одежду, которую человек так долго принимал за собственную кожу. Привычки, страхи, роли, чужие ожидания, случайные победы и поражения постепенно образуют тяжелый плащ личности, настолько привычный, что однажды человек перестает чувствовать его вес. Но если хотя бы на миг позволить себе внутреннюю неподвижность, становится ясно, что этот плащ можно снять. И тогда обнаруживается удивительная простота.

Ты никогда не был своими мыслями.

Ты никогда не был своими страхами.

Ты никогда не был своими воспоминаниями.

Ты никогда не был даже своим именем.

Все это приходило.

Все это уходило.

А тот, кто замечал их приход и уход, продолжал существовать.

Именно он и является молчаливым свидетелем всей человеческой жизни.

Можно прожить семьдесят, восемьдесят или сто лет, ни разу не встретившись с этим свидетелем. Можно стать богатым, знаменитым, мудрым в глазах других и при этом так и не познакомиться с тем, кто все это время спокойно смотрел через твои глаза. Но стоит однажды пережить мгновение настоящей внутренней тишины, как появляется странное чувство узнавания, словно долгие годы ты разговаривал со всеми, кроме самого главного собеседника.

В этот момент исчезает спешка.

Не потому, что дел становится меньше.

А потому, что появляется центр.

Представь огромное колесо. Его обод вращается с невероятной скоростью. Каждая точка на нем непрерывно движется, сталкивается с дорогой, поднимается вверх, снова опускается вниз. Но в самом центре колеса находится неподвижная ось. Именно благодаря ее неподвижности возможно все движение.

Так же устроен и человек.

Пока он живет только на ободу событий, каждое известие, каждая потеря, каждая похвала и каждая обида бросают его из стороны в сторону. Но стоит обнаружить внутреннюю ось, как движение мира перестает быть хаосом. Оно становится танцем.

Тишина и есть эта ось.

Она не останавливает жизнь.

Она делает возможным любое движение, не разрушая того, кто движется.

Поэтому мудрые никогда не стремились убежать от мира.

Они искали центр, из которого можно войти в любой мир и не потерять самого главного.

Семя седьмое

Пока ты живешь на краю собственного колеса, каждая кочка становится катастрофой. Найди ось.

Семя восьмое

Тишина не удаляет тебя от Жизни. Она возвращает тебя в ее центр.

Врата к Третьему лепестку

Когда человек впервые касается внутренней тишины, он неожиданно замечает, что многие решения, которые раньше казались невероятно сложными, словно принимаются сами собой. Не потому, что исчезли трудности. Не потому, что мир стал проще. А потому, что из бесконечного множества голосов начинает звучать один, очень тихий, но удивительно ясный.

Этот голос не спорит.

Не убеждает.

Не торгуется.

Он просто знает направление.

И именно здесь рождается следующий вопрос.

Если внутри существует такая ясность, то кто делает выбор?

Желание?

Страх?

Привычка?

Или существует нечто более глубокое, что древние называли Намерением?

Следующий лепесток посвящен не силе воли и не искусству добиваться целей. Он посвящен тайне внутреннего выбора, который начинается задолго до любого действия.

Именно поэтому третий лепесток носит имя **Лепесток Намерения**.

Третий лепесток

Лепесток Намерения

Эпиграф

Не спрашивай, способен ли ты изменить Мир. Спроси себя, способен ли Мир пройти через тебя, не встретив сопротивления.

Почти каждый человек убежден, что принимает решения самостоятельно, и именно поэтому вопрос свободы воли остается одним из самых древних и самых запутанных вопросов человеческой истории, ведь всякий раз, когда человек говорит: «Я решил», остается незамеченным тот, кто появился на одно мгновение раньше самого решения, словно невидимый художник, уже выбравший краски до того, как кисть коснулась холста, и если внимательно присмотреться к собственной жизни, неожиданно обнаружится, что многие поступки возникали значительно раньше, чем человек успевал назвать их своими.

Попробуй вспомнить любое важное решение.

Не то, которое принималось после долгих расчетов, а то, которое действительно изменило твою судьбу.

Очень часто сначала возникало почти неуловимое чувство.

Потом появилась ясность.

Лишь затем нашлись слова.

И только после этого произошло действие.

Получается удивительная последовательность.

Не мысль рождает Намерение.

Мысль лишь переводит Намерение на человеческий язык.

Подобно тому как композитор сначала слышит музыку, а уже потом записывает ее нотами, человек сначала соприкасается с тем внутренним движением, которое невозможно выразить словами, и только затем начинает объяснять самому себе причины собственного выбора.

Именно поэтому ум так любит придумывать красивые объяснения уже совершившимся поступкам. Он похож на летописца, который приходит после битвы и подробно описывает происходившее, постепенно убеждая себя, что именно он руководил всем сражением.

Это не ложь.

Это привычка.

Ум искренне считает себя правителем.

Хотя гораздо точнее было бы назвать его талантливым переводчиком.

Он способен великолепно объяснять.

Но далеко не всегда именно он начинает движение.

Здесь человек впервые подходит к великой тайне Намерения.

Намерение невозможно придумать.

Его невозможно заставить появиться усилием.

Нельзя приказать сердцу любить.

Нельзя заставить вдохновение прийти по расписанию.

Нельзя убедить рассвет наступить раньше времени.

Все самое настоящее приходит иначе.

Оно возникает из глубины, где еще нет слов.

И только потом становится мыслью.

Если смотреть достаточно внимательно, можно заметить, что Жизнь постоянно движется именно так.

Сначала распускается почка.

Потом появляются листья.

И только после этого человек придумывает название дерева.

Сначала рождается ребенок.

Потом родители выбирают ему имя.

Сначала возникает любовь.

Потом сочиняются стихи.

Реальность всегда оказывается быстрее языка.

Именно поэтому древние называли Намерение дыханием самой Жизни.

Не силой.

Не энергией.

Не мистическим даром.

А тем незримым течением, благодаря которому все живое знает направление своего роста.

Дерево не изучает трактаты о ботанике, чтобы тянуться к солнцу.

Река не посещает школу, чтобы найти море.
Птица не вычисляет формулы полета, прежде чем подняться в воздух.
Во всем существующем уже присутствует безмолвное знание своего пути.
Почему же человек так часто теряет его?
Потому что получил удивительный дар.
Свободу сказать самому себе «нет».
Это величайшее благословение.
И одновременно величайшее испытание.

Семя первое

Намерение не придумывает путь. Оно вспоминает его.

Семя второе

Мысль освещает дорогу. Намерение делает первый шаг.

...Это величайшее благословение.

И одновременно величайшее испытание.

Возможно, именно поэтому человек оказался единственным существом, способным добровольно отвернуться от собственного пути. Дерево не сомневается, стоит ли ему распускать листья. Родник не обсуждает с другими источниками, имеет ли смысл течь вниз по склону. Даже птица, впервые покидающая гнездо, не устраивает советов, прежде чем доверить свои крылья воздуху. Только человек умеет настолько искусно спорить с самим собой, что иногда проживает целую жизнь, исполняя чужое намерение и принимая его за собственное.

Это начинается очень рано.

Сначала ребенок слышит: «Будь таким».

Потом: «Не будь таким».

Позже: «Так правильно».

Еще позже: «Так принято».

Проходят годы, и вокруг живого ростка постепенно вырастает сад из чужих ожиданий. Родители желают добра. Учителя стремятся научить. Общество заботится о порядке. Все это по-своему необходимо. Но однажды среди множества голосов человек перестает различать тот единственный, который никогда не кричал.

Собственный.

Он не требует.

Не обижается.

Не доказывает свою правоту.

Он умеет ждать.

Иногда десятилетиями.

И когда человек впервые слышит этот голос, возникает странное чувство. Кажется, будто ничего нового не произошло. словно ты не открыл неизвестную истину, а просто вспомнил собственное имя после долгого сна. Именно поэтому настоящее Намерение почти всегда сопровождается ощущением узнавания, а не открытия. Оно не приносит чужое. Оно возвращает утраченное.

Многие спрашивают, как отличить желание от Намерения.

Ответ одновременно прост и сложен.

Желание почти всегда сопровождается внутренней суетой. Оно торопит. Оно боится опоздать. Оно постоянно сравнивает себя с другими. Оно питается ожиданием результата. Если результат исчезает, исчезает и желание.

Намерение не торопится.

Оно может ждать столько, сколько потребуется.

Не потому, что лениво.

А потому, что не отделяет путь от цели.

Для желанья цель находится впереди.

Для Намерения цель присутствует в каждом шаге.

Это различие почти незаметно, но именно оно меняет всю человеческую жизнь.

Представь мастера, который вырезает чашу из цельного куска дерева. Если он думает только о том мгновении, когда работа закончится, каждое движение резца становится препятствием. Но если он присутствует в каждом прикосновении к древесине, готовая чаша рождается сама собой как естественное завершение процесса. Тогда путь и результат перестают спорить друг с другом.

Так действует и Намерение.

Оно не отменяет действие.

Оно освобождает действие от внутреннего напряжения.

Поэтому величайшие дела нередко совершаются людьми, которые внешне кажутся удивительно спокойными. Их энергия не расплескивается на бесконечную борьбу с собой. Она течет в одном направлении. И именно эта целостность производит впечатление силы, хотя в действительности перед нами не сила, а отсутствие внутреннего раскола.

Возможно, в этом и заключается древний смысл слова «целомудрие». Не только нравственная чистота, как его часто понимают, а состояние внутренней цельности, когда человек перестает быть разделенным на множество спорящих между собой личностей. Его мысль не противоречит сердцу. Сердце не противоречит поступку. Поступок не противоречит молчанию. Все становится частью одного дыхания.

И тогда появляется удивительное чувство.

Мир больше не кажется чужим.

Он перестает быть полем битвы.

Он становится пространством сотрудничества.

Не потому, что исчезло зло.

Не потому, что прекратились испытания.

А потому, что человек наконец перестал воевать с самим источником своей жизни.

Семя третье

Желание говорит: «Когда-нибудь я стану». Намерение отвечает: «Я уже иду».

Семя четвертое

Самая тяжелая цепь состоит не из железа. Она сплетена из чужих ожиданий, которые человек однажды назвал собой.

...А потому, что человек наконец перестал воевать с самим источником своей жизни.

Есть слова, которые человечество повторяет настолько часто, что постепенно перестает чувствовать их глубину. Одним из таких слов стало слово «выбор». Мы произносим его почти ежедневно, словно речь идет о самом обычном действии, однако мало кто замечает, что настоящий выбор никогда не происходит между двумя предметами, двумя дорогами или двумя решениями. Все это лишь внешние формы. Подлинный выбор совершается значительно раньше, в том почти незаметном пространстве, где человек еще не решил, кем именно он будет в следующее мгновение.

Каждый рассвет приносит не только новый день. Он приносит нового человека. Конечно, внешне все остается прежним. То же лицо отражается в зеркале. Те же улицы встречают привычными очертаниями. Те же обязанности ожидают своего часа. Но где-то глубже каждое утро Жизнь словно спрашивает без слов: «Кто сегодня будет смотреть через твои глаза?» И именно этот вопрос определяет все последующие ответы.

Можно прожить день как человек, который защищается.

Можно прожить его как человек, который доказывает.

Можно прожить его как человек, который боится.

Можно прожить его как человек, который благодарит.

Внешние события могут оказаться почти одинаковыми, но мир, который возникнет вокруг каждого из этих состояний, будет совершенно разным. Потому что реальность всегда откликается не столько на поступки, сколько на качество присутствия, с которым они совершаются.

В этом месте многие начинают искать сложные объяснения, говорить об энергии, вибрациях, невидимых законах мироздания. Возможно, во всем этом есть своя доля истины. Но иногда истина настолько проста, что человеку трудно принять ее без украшений.

Если войти в комнату с открытым сердцем, люди чувствуют это раньше, чем ты успеваешь произнести первое слово.

Если войти с внутренней враждой, она тоже становится заметной, даже если лицо продолжает улыбаться.

Жизнь постоянно отвечает не только нашим действиям.

Она отвечает нашему состоянию.

Это происходит настолько естественно, что кажется случайностью.

Но сколько случайностей должно повториться, прежде чем человек перестанет считать их случайными?

Мудрецы говорили, что Намерение похоже на запах цветка. Цветок не убеждает пчел прилететь. Он не рассылает приглашений. Не объясняет свою красоту. Он просто становится тем, чем является. И этого оказывается достаточно, чтобы пространство вокруг начало откликаться.

Так же происходит и с человеком.

Пока он стремится производить впечатление, он расходует силы на создание образа.

Когда он становится собой, образ перестает быть нужным.

И тогда возникает спокойная сила, которую невозможно сыграть.

Ее невозможно купить.

Невозможно украсть.

Невозможно подарить другому.

Она появляется только там, где человек перестает делить себя на того, кем является, и того, кем пытается казаться.

Именно в этот миг Намерение впервые становится живым.

Не как мысль.

Не как желание.

Не как мечта.

А как естественное состояние целостного существа.

С этого момента многие события начинают происходить иначе. Не потому, что мир изменил свои законы. А потому, что исчезла внутренняя преграда, через которую человек долгие годы смотрел на собственную жизнь.

Иногда достаточно убрать одно стекло, чтобы увидеть весь горизонт.

Именно так действует Намерение.

Оно не строит новый мир.

Оно возвращает человеку способность видеть тот мир, который всегда был перед ним.

Семя пятое

Не пытайся убедить мир. Стань настолько настоящим, чтобы ему не понадобились доказательства.

Семя шестое

Намерение не открывает новые дороги. Оно снимает повязку с глаз путника.

...Оно не строит новый мир.

Оно возвращает человеку способность видеть тот мир, который всегда был перед ним.

Существует древняя ошибка, которую человек повторяет из поколения в поколение. Он убежден, что сначала необходимо стать сильнее, мудрее, чище, достойнее, и только после этого ему откроется возможность жить по-настоящему. Эта мысль кажется разумной, но именно она незаметно превращает всю жизнь в бесконечную подготовку к жизни. Человек все время находится на пороге, собирает знания, совершенствует себя, ожидает подходящего момента, словно путник, который так долго готовится к путешествию, что однажды обнаруживает: дорога закончилась раньше, чем он сделал первый шаг.

Жизнь никогда не требовала совершенства.

Она всегда просила присутствия.

Посмотри на лес после дождя. Ни одно дерево не старается выглядеть величественнее соседнего. Ни один цветок не пытается доказать свое превосходство над другим цветком. Даже маленькая травинка, пробившаяся между камнями, не считает себя неудачной сосной. Каждое существо выражает свою природу настолько полно, насколько может в данное мгновение. Именно поэтому природа производит впечатление удивительной гармонии. Она ничего не изображает.

Только человек научился изображать самого себя.

Он носит лица, которые удобны другим.

Он произносит слова, в которые давно перестал верить.

Он соглашается там, где сердце молчит.

И спорит там, где сердце уже давно согласилось.

Так постепенно рождается самая глубокая усталость. Не усталость тела. Не усталость ума. А усталость от постоянного разделения. Человек расходует огромную часть собственной жизни не на созидание, а на поддержание расстояния между тем, кем он является, и тем, кем старается казаться.

Намерение начинает исцеление именно здесь.

Не через борьбу.

Не через отказ от личности.

Не через разрушение прошлого.

Оно напоминает человеку очень простую вещь.

Источник не становится чище, если начинает ненавидеть мутную воду. Он становится чище тогда, когда перестает принимать случайную муть за свою природу. Проходит время, течение делает свое дело, и прозрачность возвращается сама, потому что она никогда не исчезала окончательно.

Так происходит и с человеком.

Подлинная природа не создается.

Она открывается.

Мы слишком часто говорим о поиске себя, словно настоящий человек потерялся где-то далеко. Но если присмотреться внимательнее, становится ясно, что потеряться способен только тот образ, который постоянно меняется. То, что является подлинным, не исчезает. Оно может оказаться забытым. Может быть скрытым под слоями привычек, страхов, разочарований и чужих ожиданий. Но исчезнуть оно не может.

Именно поэтому великие встречи с собой редко сопровождаются ощущением открытия. Они похожи на возвращение домой после долгого странствия. Дом не стал новым. Новым стал взгляд того, кто переступил его порог.

Возможно, именно это имели в виду древние, когда говорили, что человек рождается дважды.

Первый раз - когда появляется на свет.

Второй - когда перестает искать разрешения быть самим собой.

С этого мгновения Намерение перестает быть целью.

Оно становится способом дыхания.

Не тем дыханием, которое движет грудную клетку.

А тем, которое незаметно приводит в движение саму судьбу.

Семя седьмое

Ты не создаешь свою подлинную природу. Ты снимаешь с нее пыль времени.

Семя восьмое

Намерение не спрашивает разрешения жить. Оно тихо становится жизнью.

Врата к Четвертому лепестку

Когда человек перестает воевать с собой, перед ним открывается неожиданная трудность.

Он обнаруживает, что научиться слышать внутренний голос гораздо легче, чем научиться ему доверять.

Сомнение продолжает задавать вопросы.

Страх продолжает требовать гарантий.

Память продолжает приносить старые поражения как доказательство будущих неудач.

И тогда возникает новое испытание.

Если Намерение уже найдено, почему так трудно следовать ему?

Потому что между знанием пути и первым шагом лежит мост, который невозможно перейти без доверия.

Поэтому следующий лепесток называется **Лепесток Доверия**.

Не доверия другим.

Не доверия судьбе.

А доверия самой Жизни, которая задолго до нашего рождения уже знала, как распускается цветок, как течет река, как восходит солнце и как человеческая душа однажды вспоминает свое собственное направление. Именно с этого доверия начинается настоящее сотрудничество человека и мира. И именно здесь Цветок Жизни раскрывает свой четвертый лепесток.

Эпиграф

Жизнь никогда не требует от человека невозможного. Она предлагает сделать только следующий настоящий шаг.

Есть мгновения, когда человек совершенно ясно чувствует направление собственной жизни, однако вместо того чтобы сделать первый шаг, начинает искать подтверждения. Он обращается к книгам, спрашивает совета у друзей, ожидает особого знака, надеется, что однажды обстоятельства сами сложатся в безупречную картину, где не останется ни малейшего сомнения. Но проходит время, знаки становятся все многочисленнее, советы все противоречивее, а ясность постепенно начинает растворяться под тяжестью бесконечных размышлений.

Так рождается одна из самых тонких ловушек сознания.

Человек думает, что ищет истину.

На самом деле он ищет гарантию.

Однако гарантия принадлежит прошлому.

Только то, что уже произошло, может быть гарантировано памятью.

Будущее никогда не подписывает договоров.

Оно приглашает.

Именно поэтому каждый настоящий шаг неизбежно содержит в себе неизвестность.

Не потому, что Жизнь жестока.

А потому, что она живая.

Посмотри на маленького ребенка, который делает первые шаги. Он не знает законов равновесия. Не рассчитывает траекторию падения. Не изучает устройство мышц. Он просто снова поднимается после каждого падения, словно внутри него существует доверие, значительно более древнее, чем всякое знание. Никто не учил его верить земле. Никто не убеждал воздух поддерживать дыхание. Он еще не успел разучиться доверять самому существованию.

Потом приходит опыт.

За ним осторожность.

Потом страх.

Позже появляются доказательства того, почему нельзя.

И постепенно человек начинает считать благоразумием то, что когда-то было потерей внутренней смелости.

Доверие не является противоположностью разума.

Оно начинается там, где разум честно признает предел собственной власти.

Ум способен вычислить расстояние.

Но он не способен измерить смысл.

Он умеет предсказывать последствия.

Но не умеет предвидеть чудо.

Не потому, что чудо нарушает законы мира.

А потому, что законы мира значительно шире тех законов, которые человек уже успел открыть.

Именно здесь многие совершают ошибку.

Они противопоставляют доверие и здравый смысл.

Это все равно что противопоставлять глаза и горизонт.

Глаза помогают увидеть.

Горизонт дает направление.

Без глаз невозможно идти.

Без горизонта незачем идти.

Так же устроены разум и доверие.

Они не враги.

Они два крыла одной птицы.

Когда человек опирается только на разум, он начинает бесконечно кружить вокруг уже известного.

Когда опирается только на слепую веру, он рискует принять собственные фантазии за голос Жизни.

Но когда ясность Намерения встречается с трезвостью ума, появляется удивительное равновесие.

Именно оно позволяет сделать тот единственный шаг, который невозможно заменить тысячей размышлений.

Семя первое

Доверие начинается там, где заканчивается требование гарантий.

Семя второе

Не проси Жизнь показать весь путь. Если она осветила следующий шаг, значит, этого достаточно.

Человек часто представляет свое будущее как длинную дорогу, которую необходимо увидеть целиком. Он хочет знать, что произойдет через год, через десять лет, чем закончится его выбор, принесет ли он счастье или разочарование. Но сама Жизнь никогда не открывает путь таким образом.

Она действует иначе.

Ночью путник идет с маленьким фонарем.

Свет освещает всего несколько шагов вперед.

Однако именно этих нескольких шагов оказывается достаточно, чтобы пройти сотни километров.

Фонарь никогда не показывает весь путь.

Но он всегда показывает достаточно.

Так действует и Намерение.

Оно не открывает человеку всю судьбу.

Оно открывает только ту часть, за которую он уже способен нести ответственность.

И в этом проявляется великая мудрость Жизни.

Она никогда не перегружает человека тем, что ему пока не под силу.

Она раскрывает путь ровно настолько, насколько раскрыто само сердце.

...Она раскрывает путь ровно настолько, насколько раскрыто само сердце.

Человеку кажется, будто доверие является решением, которое можно принять однажды, однако это лишь первое впечатление. На самом деле доверие напоминает дыхание. Его невозможно сделать один раз на всю жизнь. Каждый новый день снова предлагает сделать вдох, снова отпустить воздух, снова согласиться с тем, что следующий миг еще не наступил и именно поэтому не принадлежит никакому человеческому контролю. Мы привыкли считать контроль проявлением силы, хотя чаще всего он оказывается тщательно замаскированной формой страха. Страху кажется, что если предусмотреть все опасности, жизнь станет безопасной. Но жизнь никогда не была безопасной. Она была живой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.